

Стоя в тени, Цинь Чу и Цинь Шиу не ожидали такого развития событий.

На мгновение оба погрузились в свои мысли.

Однако настроение у них было далеко не радужным.

Цинь Шиу, прячась в тени и подслушивая, стиснул зубы так сильно, что чуть не перегрыз их.

— Чёрт! Я же знал, что у этой старой жабы не всё в порядке с головой! Хорошо, что я был достаточно умен, чтобы проследить за ним, иначе бы он так и не раскрыл свои карты!

Цинь Чу спросил:

— Почему ты называешь его старой жабой?

Цинь Шиу подумал: «А как иначе? Если я назову его папой, тебе станет веселее?»

Цинь Чу неспешно добавил:

— Скорее, он подростковая жаба.

Цинь Шиу молчал.

После этих слов Лао Чэн Лу Тун больше не отвечал.

Он изначально был очень напряжён, его взгляд начал блуждать.

Однако, чем дольше Лу Тун молчал, тем спокойнее становилось сердце Лао Чэна. Оно билось уже не так быстро, словно застыло в груди, будто покрытое льдом — хотя он и предполагал такой исход, но когда это случилось, всё равно почувствовал холод в душе.

— Я... выбыл из игры?

Лу Тун спросил:

— Как думаешь?

Лао Чэн выдавил улыбку:

— Нет ли отсрочки? Сразу смертный приговор?

Лу Тун ответил:

— Нет. Даже жёлтой карточки не будет.

Лао Чэн глубоко вздохнул и произнёс:

— У Кэ говорил, что ты всегда очень жестоко отказываешь. Раньше я этого не видел, но теперь увидел. Не вини У Кэ, это я уговорил его привести тебя сюда.

Лу Тун спросил:

— Ты закончил?

Лао Чэн ответил:

— Закончил.

Лу Тун кивнул:

— Тогда я ухожу.

Цинь Шиу, наблюдая за всем этим, смотрел на уходящего Лу Туна, не оставляющего за собой ни следа, и сглотнул.

— Вау...

Цинь Чу наклонился к нему.

Цинь Шиу поднял большой палец:

— Слишком жестоко. Такой уровень безразличия заслуживает Нобелевской премии по бессердечию. Сегодня ночью дух Лао Чэна уплывёт в Тихий океан.

Он продолжал болтать:

— Сердце Лу Туна сделано из камня? Посмотри на лицо Лао Чэна, чёрт, оно стало чёрным... Настоящий мужчина никогда не плачет, но сегодня я хочу заплакать за него.

Цинь Чу задумчиво смотрел на удаляющуюся спину Лу Туна.

...Почему-то возникло чувство, словно смерть одного предвещает гибель другого.

У Кэ вышел из магазина и увидел Лао Чэна, стоящего в одиночестве под фонарным столбом. Он замедлил шаг.

— Неудача?

Лао Чэн ответил:

— Шанс на успех был всего 0,5 %.

У Кэ усмехнулся и похлопал его по плечу:

— На самом деле я давал тебе всего 0,05 %. У Лу Туна нет сердца. Если ты надеешься, что он научится любить кого-то, лучше надеяться, что Цинь Чу поступит в Пекинский университет.

Цинь Чу, притаившийся в тени, помолчал.

Лао Чэн достал из кармана сигарету:

— Я расстался. Вместо того чтобы утешать, ты ещё и подкапываешь. Скажи, что во мне не так? Я люблю его столько лет, у него нет ни парня, ни девушки, почему бы не попробовать со мной?

У Кэ сказал:

— Лу Тун просто не такой человек. Он очень жесток. Ты думаешь, он благотворитель, который будет возвращать твои чувства? Если он кого-то не любит, то даже если этот человек будет прыгать с крыши у него на глазах, он без эмоций посмотрит, как тот падает.

Цинь Шиу, услышав это, насторожился и подумал: «Настолько жестоко?»

Он поднял взгляд на Цинь Чу.

Цинь Чу наклонился к нему:

— Что ты смотришь?

Цинь Шиу покачал головой:

— Ничего, просто ты красивый.

Он мысленно безжалостно издевался: «Смотреть на тебя — это уже печаль! Почему ты до сих пор не действуешь? Как ты собираешься растопить сердце этой недоступной красавицы?»

Цинь Шиу, закончив свой мысленный монолог, невольно подумал: «Он был таким холодным в молодости?»

Когда Цинь Шиу только попал в прошлое, он слышал, что Лу Тун холодный, но не ощущал этого на себе. Он сам без стеснения приставал к Лу Туну, и тот, казалось, не испытывал к нему неприязни, поэтому он и не чувствовал, в чём заключается эта «холодность».

Но сегодня, увидев, как Лу Тун относится к Лао Чэну, он был шокирован.

Слишком холодно...

Цинь Шиу даже начал сомневаться.

Он почти согласился с тем, что сказал У Кэ: «Лу Тун вообще умеет любить?»

Цинь Шиу снова посмотрел на Цинь Чу, подняв бровь, и недоумевал: «Как мой папа вообще смог завоевать маму? Это просто невероятно».

Шестнадцать лет спустя Лу Тун стал похож на приручённого дикого кота — мягкий и послушный, за исключением редких случаев, когда он выпускал когти и царапал лицо Цинь Чу. Большую часть времени он сидел у него на коленях, играя с телефоном.

Цинь Шиу несколько раз видел, как Лу Тун капризничал дома, отказывался есть то или это, но в итоге Цинь Чу усаживал его за стол и заставлял съесть миску риса, и тот не жаловался.

Хотя он и не был особо разговорчивым, но по сравнению с нынешним временем, это было небо и земля.

У Кэ и Лао Чэн шли, разговаривая.

— Ты думаешь, Лу Тун отказал мне, потому что я недостаточно красив?

— Нет, может, он просто не любит отношения между двумя альфами.

— Он такой красивый, разве сможет найти омегу ещё красивее? Его омега не будет ревновать к его внешности? — Лао Чэн потёр подбородок и спросил:

— Может, у Лу Туна уже есть кто-то?

— Почему ты не спросил его об этом раньше?

Лао Чэн ответил:

— Забыл.

Они шли всё дальше, пока их фигуры не исчезли из виду. Только тогда Цинь Чу и Цинь Шиу вышли из-за автобусной остановки.

Цинь Шиу спросил:

— Неужели у него действительно есть кто-то? Кто? Чэнь Аньци?

Цинь Чу молчал, его лицо выглядело не очень.

Цинь Шиу обернулся на Цинь Чу и подумал, что так продолжаться не может. Вокруг Лу Туна крутится не меньше поклонников, чем вокруг Цинь Чу, и он не может позволить, чтобы его маму увел кто-то другой!

— Как ты думаешь о Лу Туне? — осторожно спросил Цинь Шиу.

Цинь Чу усмехнулся:

— Ничего особенного.

Цинь Шиу помолчал.

Ты, чёрт возьми, проведешь всю оставшуюся жизнь с правой рукой! Старый дурак, я ненавижу тебя за твою деревянность!

Цинь Шиу и его отец не сошлись во мнениях, и разговор зашел в тупик в самом начале.

Судя по внешнему виду, Цинь Чу действительно не испытывал интереса к Лу Туну, что доводило Цинь Шиу до отчаяния.

Неужели всё из-за того, что Лу Тун — альфа?

Он никак не мог понять.

— Цинь Шиу ещё не знал, что его отец и мать уже завели тайные отношения за его спиной, и продолжал злиться.

Оба расстались, погружённые в свои мысли, недовольные друг другом.

С другой стороны, Лу Тун вернулся домой, и свет в гостиной всё ещё горел.

Он вошёл и увидел, что Линь Сыинь всё ещё хлопчет внизу.

Увидев Лу Туна, Линь Сыинь отложила телефон и подняла голову с дивана:

— Почему ты так поздно вернулся?

Лу Тун ответил:

— Гулял с одноклассниками.

Линь Сыинь сказала:

— В следующий раз, если вернёшься так поздно, предупреди нас с папой, ладно? Мы будем волноваться.

Лу Тун взглянул на телефон Линь Сыинь, на экране которого всё ещё была игра в нарезку фруктов. Счёт был больше тысячи, и, похоже, у неё не было времени волноваться за него.

Лу Тун отмахнулся:

— Понял.

Линь Сыинь спросила:

— Ты голоден? Мама приготовит тебе лапшу.

— Не голоден, — Лу Тун остановился у лестницы и вдруг произнёс:

— Мам, я хочу жить в общежитии.

Линь Сыинь поднялась с дивана:

— Почему вдруг захотел? Ты поссорился с папой? У него такой характер, не обращай на него внимания.

Лу Тун ответил:

— Нет. В общежитии удобнее. Скоро будет третий год старшей школы, и вечерние занятия продлятся до десяти сорока.

Линь Сыинь удивилась:

— Почему так поздно? Но у тебя ещё год до третьего года.

Лу Тун сказал:

— Хочу привыкнуть заранее.

Линь Сыинь немного возразила:

— Это нужно обсудить с папой, я не могу решать за него.

Лу Тун вдруг остановился:

— Нужно спрашивать его? Мне уже восемнадцать, я могу сам решать.

Линь Сыинь ответила:

— Ты ещё молод, жить в общежитии — это не мелочь. Да и в школе не так комфортно, как дома, дома мы можем готовить для тебя.

Лу Тун возразил:

— Почему другие могут, а я нет?

Он никогда не жил в общежитии, так как был местным жителем города Х, учился в местной школе, и Лу Чжиянь, чтобы лучше контролировать его, не позволял ему жить в школе, боясь,

что Лу Тун выйдет из-под его влияния и начнёт думать самостоятельно.

Линь Сыннь замолчала, а затем сказала:

— Мы не запрещаем тебе жить в общежитии, но сможешь ли ты там о себе позаботиться?

Лу Тун поднялся по лестнице, бросив:

— Не ваше дело.

Затем дверь с грохотом захлопнулась.

Современные подростки выражают свой гнев на родителей, в основном, хлопая дверьми. Чем громче хлопок, тем сильнее гнев.

<http://bllate.org/book/16741/1561349>